

№№ 15-16

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙДМАНЪ Г.

Цѣна на годъ съ дост. . . .	6 р. — к.
безъ дост. . . .	5 » — »
На полгода.	3 » 50 »
На три мѣсяца.	2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Гердеръ Н. Поповой. — II. Деревенская идиллія. (Стих.). С. Дрожжина. — III. Дрезденъ. А. Толивѣровой. — IV. Маленькій рудокопъ. Нирица.

ГЕРДЕРЪ.

ДѢТСТВО и ЮНОСТЬ.

V.

Поѣздка въ деревню.

БЫСТРО протекли три вполне счастливые года въ жизни Готфрида. Онъ усердно посѣщалъ городское училище и пользовался кромѣ того уроками почтен-

наго пастора. По временамъ Готфрида тревожила мысль, что скоро настанетъ конецъ его благоденствію и дядя не замедлитъ взять его къ себѣ.

Вдругъ ко всеобщему горю пасторъ неожиданно скончался, это поразило Готфрида. Онъ цѣлые дни проводилъ въ слезахъ на кладбищѣ. Родители старались успокоить и разсѣять его; но все было тщетно. Мальчикъ продолжалъ горевать и его слабое здоровье стало разстроиваться. Тогда отецъ рѣшился отправить Готфрида на нѣсколько времени въ деревню къ дядѣ. Онъ написалъ ему объ этомъ, и Іона въ слѣдующее же воскресенье пріѣхалъ за Готфридомъ. Болѣзненный видъ ребенка поразилъ Іону и онъ побранилъ его за то, что онъ слишкомъ предался своему горю. „Мертвыхъ не воскресить, говорилъ онъ, а оплакивать ихъ — дѣло женщинъ“. Готфриду тяжело было слушать такое сужденіе, и онъ рѣшился молчать. Послѣ обѣда началось укладыванье. „Смотри, мой другъ, говорилъ дядя, книгъ съ собою не бери, у насъ въ деревнѣ это лишній багажъ“. Готфриду стало еще тяжелѣе на сердцѣ. Наступила минута прощанья. Отецъ и мать обняли и благословили нѣжно любимаго сына. „Хотя дядя и не совсѣмъ правъ, шепнулъ Готфриду отецъ, но въ его словахъ есть и доля правды“.

Грустно простился Готфридъ съ родителями и промолчалъ всю дорогу. Пріѣхали они поздно; въ деревнѣ уже все спало; слышался только однообразный бой въ доску ночнаго сторожа. Домъ Іоны былъ ярко освѣщенъ. Утомленныхъ путниковъ радостно встрѣтила двѣнадцатилѣтняя Гертруда и вкусный ужинъ.

Рано поднялись всѣ на другое утро. „Послушай“, сказалъ мальчику Іона. „Мы рѣшили съ твоимъ отцомъ предоставить тебѣ полную свободу. Ты можешь гулять по полямъ, лазить по горамъ, охотиться и ловить рыбу, словомъ, можешь проводить время какъ хочешь. Только не смѣй сидѣть въ душной горницѣ и корпѣть надъ книгою. Ты пріѣхалъ сюда больной, а долженъ уѣхать здоровымъ — вотъ един-

ственное условіе, которое я тебѣ ставлю. А теперь, поѣдемъ-ка со мною въ поле, время жатвы, тамъ увидишь, что и крестьяне на что нибудь да годятся“.

Готфридъ охотно усѣлся съ дядей въ пустую телѣгу и, взявъ въ руки возжи, быстро погналъ тройку бодрыхъ, сытыхъ лошадей. Поле представляло самую оживленную картину; работа кипѣла; жнецы и жницы ловко и быстро работали серпомъ. Готфриду также захотѣлось участвовать въ жатвѣ и онъ горячо принялся за дѣло.

Когда наступилъ часъ обѣда, мальчикъ взобрался на высоко-нагруженный снопами возъ и усталый, довольный въѣхалъ съ Юной въ деревню. Дома ихъ ждалъ приготовленный маленькою Гертрудой обѣдъ, который показался Готфриду особенно вкуснымъ. Послѣ обѣда онъ отправился знакомиться съ окрестностями и взобрался на сосѣдную гору. Передъ нимъ открылся чудный видъ: у подножья горы живописно раскинулась маленькая деревушка, среди которой ярко блестѣлъ крестъ деревянной церкви; далѣе тянулись заливые луга съ извивавшейся, какъ лента, серебристой рѣчкой. Весело скользили по ней парусныя лодки, а по берегамъ паслись стада коровъ и овецъ. Эта сельская картина пробудила въ Готфридѣ сознаніе красоты природы и премудрости ея Создателя. Вдругъ онъ услышалъ пѣніе взвившагося надъ нимъ жаворонка; онъ сталъ слѣдить за полетомъ милой птицы, но пѣснь слышалась все тише и тише и наконецъ совсѣмъ смолкла.

Какъ бы мнѣ хотѣлось понимать смыслъ пѣнія птицъ, думалось Готфриду; можетъ быть это гимнъ Творцу вселенной. Я бы и самъ присоединился къ ихъ молитвѣ!

Такія размышленія и красота цвѣтущей деревенской природы вызвали въ мальчикѣ благоговѣйное настроеніе и спокойствіе духа.

Возвратясь домой, Готфридъ помогъ маленькою Гертрудѣ нарубить дровъ и натаскать воды въ кухню, а затѣмъ по-

ужинавъ, легъ спать и скоро заснулъ крѣпкимъ здоровымъ сномъ трудившагося человѣка.

VI.

Маленькая Гертруда.

На четвертый день послѣ пріѣзда въ деревню, Готфридъ вспомнилъ о своихъ книгахъ. Вотъ уже три дня я ничего не дѣлаю, думалъ онъ; покойный Вилламовіусъ говорилъ, что потерянное время безвозвратно.

Книгъ онъ съ собою не взялъ, не желая ослушаться дяди, оставалось одно—позаймствоваться книгами у мѣстнаго пастора. Онъ такъ и сдѣлалъ. До полудня онъ работалъ на Іону, а послѣ обѣда забирался со своими книгами въ такія мѣста, гдѣ трудно было его отыскать.

Такое распредѣленіе времени не понравилось маленькой Гертрудѣ. До обѣда она была занята домашнимъ хозяйствомъ, а подъ вечеръ любила проводить время съ братомъ, и прямо высказала свое огорченіе. Тогда Готфридъ рѣшилъ проводить вечера съ нею, а заниматься ночью. Гертруда была умненькая любознательная дѣвочка; отецъ не далъ ей никакого образованія, но она любила читать, особенно слушать все что рассказывалъ ей Готфридъ изъ исторіи, географіи и естественныхъ наукъ и удивлялась, какъ онъ все это знаетъ. Однажды вечеромъ Готфридъ, забравшись въ самый уединенный уголь сада, громко что-то читалъ. Вдругъ слышались легкіе шаги и передъ нимъ явилась сестра. — Что ты забрался въ такую глушь? сказала она, смѣясь шутливо, не заклинаешь ли деревья?—Я читаю, отвѣтилъ Готфридъ серьезно, про Ханаанскую землю, ты вѣрно слыхала про нее. Тамъ жили іудеи; они говорили не по нашему, а на своемъ особомъ языкѣ. Письмо у нихъ тоже было другое. Вотъ посмотри на эту книгу, я только что громко читалъ ее. Гертруда съ удивленіемъ взглянула на незнако-

мая ей письменна, и узнавъ, что Готфридъ читалъ Священное писаніе, взглянула на него съ благоговѣніемъ. Не одни евреи имѣли свой особый языкъ, продолжалъ Готфридъ, многіе изъ древнихъ народовъ также оставили намъ письменные памятники, свидѣтельствующіе о ихъ языкѣ. Вотъ примѣръ эта книга—греческая. У грековъ и письмо, и разговоръ совсѣмъ другія. А вотъ еще книга—латинская. Латинскій языкъ перешелъ къ намъ отъ римлянъ, которыхъ звали и латинянами. Гертруда внимательно слушала объясненія Готфрида и только дивилась его познаніямъ.

— Почему же моя библія написана на нѣмецкомъ языкѣ? спросила Гертруда.

— Одинъ нѣмецкій богословъ—Мартинъ Лютеръ, отлично знавшій еврейскій языкъ, перевелъ библію на нѣмецкій языкъ, а Новый Завѣтъ съ такою же точностью перевелъ съ греческаго. Впослѣдствіи были переведены съ разныхъ языковъ на нашъ и многія другія сочиненія, чтобы дать возможность незнающимъ иностранныхъ языковъ ознакомиться съ религіей, нравами, жизнію и литературными памятниками другихъ народовъ. Къ сожалѣнію, многіе обороты фразъ и выраженій теряютъ въ переводѣ на другой языкъ. Это можно объяснить такъ: ты, примѣръ, ежедневно ходишь за ключевой водой. Скажи же мнѣ, какая вода вкуснѣе: прямо ли изъ ключа или принесенная въ кухню?—Конечно, первая, т. е. ключевая.—Такъ точно и люди, которые хотятъ вполне изучить какое нибудь сочиненіе, стараются выучиться тому языку, на которомъ оно написано. Это, какъ ты сама понимаешь, стоитъ не мало труда. Слушая все это, Гертруда стала смотрѣть на брата не какъ на равнаго ей товарища и грѣ, а какъ на нѣчто недосыгаемо-высокое. Она часто обращалась къ нему съ вопросами, и онъ всегда отвѣчалъ дружески ясно и понятно.

Когда Готфридъ что нибудь рассказывалъ, то какъ бы весь преображался, лицо его вспыхивало и становилось торжественно, рѣчь текла, мысли выражались ясно. Въ скром-

номъ домикѣ поселянина, молодой Гердеръ впервые явился блестящимъ учителемъ и ораторомъ.

Онъ упросилъ сестру не говорить дядѣ о своихъ занятіяхъ, она дала слово и сдержала его.

Такъ проходило время, здоровье Готфрида поправилось, силы окрѣпли. Ему стало хотѣтся повидаться съ родителями. Но Іона все удерживалъ мальчика. Наконецъ старый Гердеръ увѣдомилъ, что къ нимъ пріѣхалъ новый пасторъ и начались занятія съ конфирматами, въ числѣ которыхъ находится и Готфридъ. Іона, сильно привязавшійся къ племяннику, жалѣлъ, что пришлось разстаться съ нимъ и утѣшалъ себя мыслию, послѣ конфирмаціи совсѣмъ увезти его къ себѣ. Готфридъ, знавшій какъ непріязненно относится дядя къ книгамъ и ученью, былъ недоволенъ этими планами, но тронутый теплымъ расположеніемъ дяди, прощаясь, схватилъ его руку и сказалъ: „дорогой дядя, любите меня всегда“... Іона прервалъ его слова поцѣлуемъ и съ любовью отвѣтилъ:—конечно, мой другъ, если ты согласишься окончательно распрощаться съ книгами. Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова. На другое утро, распрощившись съ Іоной и Гертрудою, Готфридъ пустился въ дорогу, везя родителямъ пропасть подарковъ, которые посылали имъ добрые родственники.

VII.

Принятое рѣшеніе и его послѣдствія.

Пасторъ Трешо, замѣнившій покойнаго Вилламовіуса, пользовался хорошей репутаціей; о немъ говорили какъ о другѣ бѣдныхъ и всегдашнемъ ихъ заступникѣ. Родители Гердера сильно рассчитывали на его вниманіе къ ихъ сыну. Готфридъ сталъ посѣщать уроки закона Божьяго съ прочими ожидавшими конфирмаціи, пасторъ отложилъ эту церемонію до Пасхи слѣдующаго года. Къ Пасхѣ Готфриду минуло 16 лѣтъ.

Родители еще нерѣшили: дать ли сыну высшее образованіе или отдать его Іонѣ, который самъ пріѣхалъ къ нимъ съ дочерью на Пасху и тотчасъ послѣ конфирмаціи предложилъ взять юношу къ себѣ, подѣ условіемъ, чтобы онъ далъ обѣщаніе навсегда распрощаться съ книгами. Въ случаѣ же его отказа угрожалъ окончательно разорвать съ ними со всѣми всѣ отношенія. Готфриду не хотѣлось огорчить отказомъ родителей, но страсть къ наукамъ заставила отстоять свою свободу. Отказъ Готфрида страшно взбѣсилъ дядю. Онъ не только что разбранилъ юношу и укорялъ въ неблагодарности, но разсердился и на его родителей, говоря, что они всему виною.

Наконецъ Іона вздумалъ, какъ говорятъ, ухватиться за соломенку. Зная что Готфридъ уважалъ пастора, Іона рѣшился отправиться къ нему и склонить его на свою сторону. Это ему удалось. Пасторъ, не понимая еще геніальной натуры Готфрида, находилъ, что для него ничего не можетъ быть лучше положенія земледѣльца и обѣщалъ Іонѣ сдѣлать все возможное. На другой же день онъ призвалъ къ себѣ Готфрида и сталъ уговаривать его принять предложеніе дяди.

Юноша наотрѣзъ отказался. Видя, что уговаривать напрасно, пасторъ рѣшился на другое средство. Онъ былъ холостъ и жилъ вдвоемъ со своей престарѣлой сестрой, на которой лежало все хозяйство. И вотъ онъ задумалъ взять ей на помощь молодаго Гердера. Живши у меня, думалъ онъ, юноша скорѣе рѣшится принять предложеніе дяди, и не долго думая объявилъ свое желаніе родителямъ Готфрида, — они нерѣшились отказать ему, сверхъ того надѣялись, что можетъ пасторъ, узнавъ ближе юношу, полюбить его и будетъ содѣйствовать его дальнѣйшимъ научнымъ занятіямъ.

Готфридъ, снова впавшій въ болѣзненное настроеніе духа, равнодушно узналъ о предложеніи пастора, объявилъ, что сего же дня готовъ вступить въ свою должность, и радостно пустился въ дорогу, вспоминая счастливые часы

пережитые имъ въ пасторскомъ домикѣ при жизни почтеннаго Вилламовіуса.

Но онъ нашелъ тамъ все иначе!

Сестра пастора приняла юношу надменно, да и пасторъ обошелся холодно. Для молодаго Гердера наступили два самыхъ тяжелыхъ года изъ всей его жизни. Въ домѣ пастора онъ долженъ былъ исполнять всю черную работу: — чистить сапоги, рубить дрова, носить воду, закупать на рынкѣ провизію и т. п. За все это онъ получалъ—коморку, столъ и незначительную плату. Эта жизнь губительно дѣйствовала на молодаго Гердера, онъ сдѣлался еще болѣзненнѣй и раздражительнѣй, одѣтъ онъ былъ плохо и въ немъ не осталось и тѣни прежняго красиваго мальчика. Особенно печалило Готфрида то, что ни минуты не могъ посвятить своимъ научнымъ занятіямъ и съ книгою отдохнуть отъ мелочной, однообразной поденщины. Пасторъ старался найти ему работу на цѣлый день, рассчитывая этимъ заглушить въ немъ страсть къ ученію, но несмотря ни на что Готфридъ твердо стоялъ на своемъ.

VIII.

Ночныя занятія.

Молодой Гердеръ не принадлежалъ къ тѣмъ слабымъ натурамъ, которыя поддаются насилію. Ничто не могло убить въ немъ стремленіе учиться, а препятствія только усиливали страсть. Такъ какъ весь день онъ былъ занятъ домашними работами, а вѣчно ворчливая сестра пастора не давала ему ни минутки покоя, то Готфриду пришлось на умъ заниматься ночами, казалось само провидѣніе покровительствовало юношѣ. Изъ тѣсной коморки Готфрида вела дверь въ бібліотеку пастора, незапиравшуюся на ночь, и Готфридъ могъ безопасно пользоваться многочисленными учеными сочиненіями. Свой

ничтожный заработокъ онъ тратилъ на покупку сальныхъ свѣчъ и писчей бумаги.

Однажды вечеромъ Готфридъ, по обыкновенію, не раздѣваясь, заперся въ своей коморкѣ, а когда все смолкло и улеглось, тихо открылъ дверь, и съ огаркомъ въ рукахъ, отправился въ библіотеку. Забравъ нѣсколько книгъ, онъ осторожно вернулся къ себѣ. Въ его коморкѣ не было даже стола и бѣдный Гердеръ долженъ былъ пользоваться низенькимъ табуретомъ. Укрѣпивъ на немъ огарокъ, онъ усѣлся на сундукъ и, пододвинувъ къ себѣ свой оригинальный письменный столъ, принялся утолять свою жажду знанія.

Всякій, кому случилось бы видѣть этого юношу, такъ ревностно занимавшагося ночью, навѣрно, полюбилъ бы его сразу.

Въ эту пору одно историческое событіе произвело особенно сильное впечатлѣніе на Готфрида: Петръ III, русскій Императоръ, по своемъ вступленіи на престолъ заключилъ миръ съ Пруссіей. (Была семилѣтняя война, начавшаяся еще при Елизаветѣ Петровнѣ. Петръ III, лично расположенный къ Фридриху II—прусскому королю, отозвалъ русскія войска и тѣмъ много помогъ Пруссіи окончить войну и съ другими державами). Кромѣ участія въ семилѣтней войнѣ, Петръ III, вступивши на престолъ, возвратилъ свободу многимъ сосланнымъ въ Сибирь на каторгу. Такія полныя человѣколюбія постановленія Монарха сильно расположили къ нему молодого Гердера и вызвали въ немъ воспоминанія о Кирѣ, даровавшемъ свободу одному плѣнному еврею. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній Готфридъ написалъ свое первое стихотвореніе, озаглавленное „Пѣснь плѣннаго израильянина къ Киру“.

Наступившая полночь застала Гердера за чтеніемъ своего произведенія. Сдѣлавъ окончательныя поправки, онъ подписалъ подъ нею свое имя и вложивъ стихи въ пакетъ, адресовалъ въ Кенигсбергъ на имя книгопродавца Кантора, къ которому по почтѣ посылался, наканунѣ переписанный Готфридомъ по порученію пастора, манускриптъ.

Окончивъ это дѣло, Гердеръ принялся за книги. У него вошло въ привычку всякую ночь просмотрѣть шесть книгъ. Тѣ, которыя ему казались полезными, онъ изучалъ съ вниманіемъ и такимъ образомъ, мало по малу ознакомился съ главными сочиненіями, находившимися въ библіотекѣ пастора.

Первая книга, попавшая ему въ эту ночь, была „Стихотворенія“ Э. Клейста (Христіанъ Эвальдъ Клейстъ—даровитый нѣмецкій поэтъ; жилъ въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія; его лучшимъ стихотвореніемъ считается „Весна“, написанное гекзаметромъ).

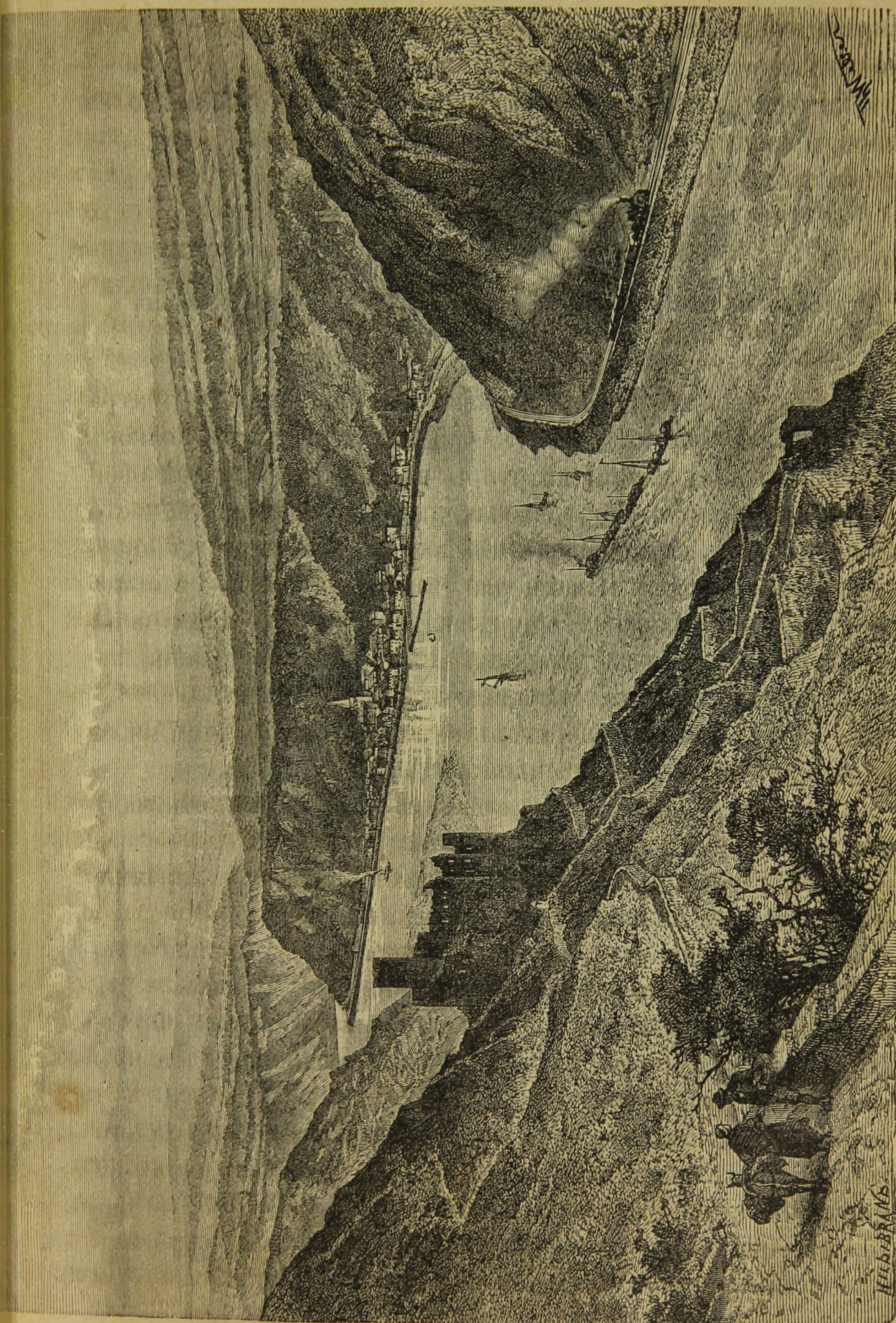
Гердеръ пришелъ въ восторгъ отъ этого стихотворенія, вскочилъ съ мѣста и принялся шагать по тѣсной коморкѣ, громко декламируя стихи. Его воображенію представилась живописная деревенька, гдѣ жилъ Іона, съ ея полями, нивами и чистымъ вольнымъ воздухомъ. Удушливая темная коморка показалась ему еще противнѣе, но все-же онъ не согласился бы промѣнять ее на заманчивую, лишенную умственной пищи, деревенскую жизнь.

Пробило 2 часа, а Гердеръ все еще не разставался съ книгою. Въ его взорѣ свѣтилась энергія и все его существо было проникнуто твердой рѣшимостью.

Онъ остановился, упалъ на колѣни, и въ жаркой молитвѣ вылилась вся боль души его, все стремленіе вырваться изъ мелочной, будничной жизни и, просьба о помощи. Долго молился Готфридъ; наконецъ всталъ и, въ изнеможеніи упавъ на кровать, заснулъ глубокимъ сномъ.

Огарокъ тускло догаралъ; рядомъ съ нимъ лежала раскрытая книга.—Въ эту ночь пастору какъ-то не спалось; ему чудились чьи-то шаги; онъ всталъ, поднялся на верхъ, вошелъ въ библіотеку, а оттуда въ коморку Гердера. Тамъ, на полу валялись раскрытыя книги и исписанныя бумажки; догорѣвшій огарокъ едва освѣщалъ полу-раздѣтаго—крѣпко спящаго Готфрида. Пасторъ осторожно загасилъ огонь и возвратился къ себѣ.

На другое утро онъ призвалъ Гердера и спросилъ его

РЕЙНСКИЙ ВИДЪ.

занимается ли онъ по ночамъ. Юноша сознался и въ томъ, что пользовался его книгами.

Пасторъ не разсердился, но побранилъ его только за неосторожное обращеніе съ огнемъ.

IX.

Шварцерло, поѣздка въ Кенигсбергъ, студенческая жизнь Гердера.

Въ это время русскія войска возвращались съ театра семилѣтней войны на родину. Одинъ изъ русскихъ полковъ расположился на зимнія квартиры въ Морунгенѣ. Полковой врачъ—Шварцерло скоро познакомился съ пасторомъ, часто навѣщалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ ученыхъ вопросахъ. Однажды Шварцерло, зайдя къ пастору, засталъ дома только молодаго Гердера, на котораго до тѣхъ поръ не обращалъ никакого вниманія. Докторъ, въ ожиданіи пастора, разговорился съ Готфридомъ.

— Еслибы нашъ императоръ не заключилъ съ вами мира, то быть бы и тебѣ ополченцомъ, сказалъ докторъ.

— Благодарю Бога, что я избѣгъ этой участи, отвѣчалъ Готфридъ; я ненавижу войну.

— Если бы тебѣ удалось познакомиться съ героями, тогда, навѣрно, перемѣнилъ бы свое мнѣніе.

— Я знаю многихъ героевъ прошлаго и настоящаго, но ни передъ однимъ военнымъ гениемъ не преклоняюсь.

— Какъ, ты даже не гордишься своимъ королемъ, Фридрихомъ, котораго при жизни прозвали „великимъ“ за его военные подвиги?

— Я его уважаю и люблю всей душою, но не за его дѣла на полѣ брани, а за его мудрыя постановленія въ мирное время.

— За какія же это внутреннія постановленія? спросилъ сильно заинтересовавшійся юношею Шварцерло.

— За его любовь и покровительство наукамъ и искусствамъ, отвѣчалъ Гердеръ.— До этой несчастной войны, наша академія наукъ процвѣтала; подъ опытнымъ руководствомъ монарха развивалась музыка, скульптура, живопись и прочія искусства. Все дышало жизнью! А война, что сдѣлала она? Многихъ погубила и многому не дала ходу. Счастье, что наступилъ миръ. Теперь поля, обогрѣнные кровью, снова украсятся золотыми жатвами, и не будутъ попираемы конскимъ топотомъ. Воинъ, сбросивъ съ себя губительное оружіе, снова возьмется за серпъ и приступитъ къ мирнымъ занятіямъ.

Шварцерло смотрѣлъ съ удивленіемъ на юношу, говорившаго съ глубокимъ убѣжденіемъ и увлеченіемъ. До тѣхъ поръ онъ принималъ его за слугу, а теперь нашелъ въ немъ прекрасно образованнаго, развитого молодого человѣка съ вѣрными взглядами и убѣжденіями и далеко не дюжиннымъ умомъ.

Онъ сразу переѣнилъ тонъ разговора, и замѣнивъ фамиллярное „ты“ на вѣжливое „вы“.

— Такъ вы рѣшительно противъ войны? сказалъ ему Шварцерло.

— Да, за исключеніемъ оборонительной; это единственная война, которую я признаю. Когда какой нибудь завоеватель покушается отнять у другаго народа его свободу, вѣрованіе и права, тогда сопротивленіе побѣжденныхъ вполне законно; тогда каждый долженъ взяться за оружіе, чтобы отстоять свою независимость. Только такого рода война и можетъ быть оправдана и знаменательна для потомства.

— Вы, какъ вижу, особенно возстаете противъ такихъ войнъ, герои которыхъ носятъ названіе „завоевателей“, спросилъ его Шварцерло. Любопытно было бы знать, какіе именно дѣятели древнихъ временъ пользуются вашимъ уваженіемъ?

— О, очень многіе, сказалъ Гердеръ; всѣ тѣ, которые своими трудами обогатили науки и искусства и на сочиненіяхъ которыхъ до настоящаго времени воспитываются цѣ-

лые поколѣнія людей. Всѣ тѣ, которые своею жизнью и поступками навсегда послужили образцами благородства и честности. Ихъ имена освѣщаютъ страницы исторіи, какъ небесныя свѣтила.

Шварцерло былъ до глубины души пораженъ такимъ смѣлымъ, широкимъ взглядомъ юноши.

— Не понимаю, говорилъ онъ, какъ вы, простой слуга, могли пріобрѣсти такія познанія? Когда же вы находите время заниматься?

Гердеръ скромно отвѣтилъ, что прежде онъ пользовался уроками почтеннаго Вилламовіуса и посѣщалъ городское училище, теперь же занимается чтеніемъ въ такое время, когда въ домѣ всѣ спятъ.

— Вы знаете и древніе языки? спросилъ его докторъ. И взявъ съ полки латинское сочиненіе, предложилъ Готфриду перевести немного.

Гердеръ бѣгло прочелъ и перевелъ нѣсколько строкъ.

— Довольно, довольно, мой милый другъ, вы знаете латинскій языкъ лучше меня, прервалъ его Шварцерло и тутъ же предложилъ Гердеру отправиться съ нимъ въ Кенигсбергъ и тамъ приняться за переводъ большаго латинскаго сочиненія. — А о деньгахъ не беспокойтесь; я постараюсь васъ вполне обезпечить.

Готфридъ не хотѣлъ вѣрить такому счастью, полагая, что докторъ, навѣрно, надъ нимъ подтруниваетъ. Но Шварцерло увѣрилъ его, что говорилъ серьезно и дружески пожалъ руку образованному юношѣ.

— Да вознаградитъ васъ Богъ за меня! воскликнулъ Готфридъ со слезами на глазахъ

Когда молодой Гердеръ впервые увидѣлъ крыши домовъ Кенигсберга, у него радостно забилося сердце и охватило сильное волненіе.

Наконецъ-то онъ въ городѣ, гдѣ нашли себѣ пріютъ науки

и искусства, куда давно стремился онъ душою. „Неужели я въ Кенигсбергъ“, повторялъ онъ себѣ безпрестанно и съ глубокимъ уваженіемъ вспоминалъ Канта, Лиліенталя, Кипке и друг., которыхъ суждено было ему сдѣлаться ученикомъ и послѣдователемъ.

Шварцерло, этотъ вполне достойный уваженія человекъ, не давшій заглухнуть дарованіямъ молодаго Гердера, вырвавъ его изъ невѣжественной среды, всѣми силами принялся хлопотать о немъ. Подъ его руководствомъ Готфридъ началъ изучать медицину, но не могъ продолжать. Однажды при вскрытіи трупа съ Готфридомъ сдѣлалось дурно, это побудило его навсегда отказаться отъ карьеры врача. Вскорѣ молодой Гердеръ лично познакомился и сошелся съ книгопродавцемъ Кантеромъ, которому годъ тому назадъ послалъ свое первое стихотвореніе „Пѣснь Киру“. Самъ Кантеръ былъ человекъ образованный, сочувствовавшій всякому добродѣлу. Гердеръ ему понравился и онъ принялъ въ немъ участіе. Разъ въ недѣлю — въ день прихода почты, у Кантера собирались ученые и литераторы и разсматривали присылаемыя сочиненія. Эти вечера усердно посѣщались и студентами, въ числѣ которыхъ постоянно бывалъ и Гердеръ. Услышавъ, что Готфриду не дается медицина, Кантеръ предложилъ ему поступить къ нему для изученія книжной торговли. Гердеръ принялъ предложеніе, но и тутъ не повезло ему и онъ скоро убѣдился, что торговля не его дѣло и снова упалъ духомъ, къ тому же и денежные средства его истощились.

Одинъ изъ его пріятелей — по имени Трахгеймъ, помогалъ ему и посовѣтовалъ поступить въ университетъ. Гердеръ блистательно сдалъ пріемные экзамены. Мечта его осуществилась, онъ — студентъ и можетъ пользоваться лекціями знаменитаго Канта. Все было хорошо, только денежные средства были очень плохи. Отъ отца онъ не хотѣлъ брать ничего и перебивался частными уроками, корректурую книгъ для типографій и подобными, плохо опла-

чиваемыми занятіями. Иногда доходило до того, что Гердеру не на что было купить кусокъ хлѣба, но и тогда онъ не терялъ присутствія духа, и надѣялся, что съ Божьей помощью ему удастся дотянуть свои университетскія занятія до конца и достигнуть желанной цѣли. Въ выборѣ друзей Гердеръ былъ очень разборчивъ и вотъ какъ это выразилось въ одномъ изъ его стихотвореній:

„Кто мнѣ другомъ быть захочетъ,
 „Пусть острить, пускай хохочетъ,
 „Умъ выказывая свой,—
 „Но будь честенъ лишь душой,
 „А за чашей пуншевой,
 „Дружба держится одной!“

Гердеръ неумоимо предавался своимъ занятіямъ, съ особенною любовью изучалъ онъ философію и богословіе.

Ко времени его университетской жизни относятся нѣсколько его стихотвореній; напр.: „Сонъ и смерть“, „Кенигсбергское пепелище“, „Памяти моего перваго умершаго“ и др. Всѣ они обратили общее вниманіе на молодаго поэта. Гердеръ оставался любящимъ сыномъ и помогалъ сколько могъ своимъ старикамъ. Постоянно съ ними переписывался и изъ писемъ отца узналъ, что дядя Іона продалъ свое имѣніе и куда-то уѣхалъ съ дочерью, не простившись даже съ ними. Тяжело было думать Готфриду, что и онъ разстался съ дядей не дружески.

Между тѣмъ время шло; незамѣтно пролетѣли студенческіе годы Гердера, которые, несмотря на всѣ матеріальныя нужды, Гердеръ считалъ счастливѣйшими годами своей жизни. По окончаніи университетскаго курса онъ получилъ мѣсто учителя въ „Collegium Fredericanum“; это на время обезпечило его будущность.

X.

Похороны Гертруды и надгробное слово молодого Гердера.

Прошло семь лѣтъ съ того времени, какъ Готфридъ покинулъ Морунгенъ. Ему было уже двадцать пять лѣтъ; его благородная наружность, обширныя познанія и прекрасный характеръ производили на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе.

Давно хотѣлось Гердеру побывать на родинѣ и повидаться со своими стариками; наконецъ ему удалось осуществить это желаніе.

Съ легкимъ багажемъ, бодро пустился онъ пѣшеходомъ въ путь. Солнце закатывалось, когда Готфридъ входилъ въ деревушку, лежавшую въ 4-хъ миляхъ отъ роднаго города. Сильно утомившись, Гердеръ рѣшился здѣсь переночевать, чтобы на другой день утромъ отправиться далѣе.

Тутъ онъ встрѣтилъ пастора, который къ обоюдной радости оказался прежнимъ школьнымъ товарищемъ и другомъ Готфрида. Пасторъ предложилъ ему переночевать у него. Гердеръ охотно на это согласился. „Я тебя и завтра не отпущу“, сказалъ ему дружески пасторъ. „У насъ въ деревнѣ похороны одной молодой дѣвушки, любимой всѣми прихожанами. Народу соберется много. Ты такъ прекрасно сдалъ свой экзаменъ по богословіи, что можетъ не откажешь сказать надгробное слово“. Затѣмъ оба пріятеля пошли въ церковь. Дорогою Гердеръ молчалъ; мысль о жизни и смерти такъ его волновала, что онъ даже не замѣтилъ, какъ пасторъ, кѣмъ-то отозванный, покинулъ его; Готфридъ одинъ вошелъ въ открытую настежь церковь. Посреди стоялъ гробъ, весь украшенный цвѣтами. Чѣмъ ближе приближался къ гробу Готфридъ, тѣмъ сильнѣе охватывало его какое-то непонятное волненіе. Наконецъ онъ остановился; въ гробу лежала прекрасная молодая дѣвушка; лицо ея было такъ безмятежно-спокойно, что она казалась спящею. Гердеръ долго ею любовался. Подъ вліяніемъ вдохновенія, онъ

безсознательно вынулъ изъ кармана записную книжку и принялся писать. Благоговѣйныя мысли легко и краснорѣчиво облекались въ слова. Гердеръ не замѣтилъ даже вошедшаго вскорѣ послѣ него въ церковь пастора. „Покойница была дочь богатаго поселянина, сказалъ онъ Готфриду; ее звали Гертрудою“.

Это имя вызвало Гердера изъ его забытья. „Какъ Гертруда, а отца зовутъ Іоной?“ воскликнулъ онъ съ ужасомъ. „Да, но что съ тобою, на тебѣ лица нѣтъ?“ отозвался въ недоумѣніи пасторъ. Готфридъ безмолвствовалъ; потомъ, упавъ предъ гробомъ и заливаясь слезами, воскликнулъ: „Гертруда, милая Гертруда, зачѣмъ ты насъ такъ безвременно покинула? Я никогда не забуду тебя!“...

Наступилъ день похоронъ; Гердеръ чувствовалъ себя такъ дурно, что пролежалъ все утро. Однако къ началу богослуженія ему сдѣлалось нѣсколько лучше, и онъ рѣшился произнести надгробное слово.

Пасторъ между тѣмъ, не говоря ни слова Готфриду, далъ знать родителямъ, что сынъ ихъ у него и впервые выступить сегодня въ качествѣ проповѣдника. Это извѣстіе сильно обрадовало стариковъ, они немедленно пустились въ путь, чтобы не опоздать къ отпѣванію умершей. Вотъ раздался колокольный звонъ и прихожане стали стекаться въ церковь. Изъ первыхъ вошли родители Гердера. Вошелъ и бѣдный, убитый горемъ, Іона. Раздались торжественные, полные гармоніи, звуки органа и пѣвчіе стройно пропѣли, сочиненный Гердеромъ, гимнъ подъ заглавіемъ:

„У гроба Спасителя“.

По окончаніи пѣнія, на каѳедрѣ появился молодой Гердеръ. Съ яснымъ взоромъ, звучнымъ полнымъ благоговѣнія голосомъ началъ онъ свою надгробную рѣчь. Сильно забилося сердце у родителей, при видѣ сына, они обратились въ слухъ. Гердеръ говорилъ прекрасно и сильно о безсмертіи, слова его утѣшительно дѣйствовали на слушателей. Даже Іона старался не пропустить ни единого слова.

Многіе плакали и горячо молились. Когда онъ кончилъ, пѣвчіе спѣли 2-й его гимнъ подъ заглавіемъ „Любовь“ („Liebe“). Затѣмъ прозвучали послѣдніе звуки органа и прихожане, благоговѣнно настроенные, стали расходиться.

Свиданіе Готфрида съ родителями было самое трогательное. Іона же пожелалъ лично узнать человѣка, который съумѣлъ такимъ умиротворяющимъ образомъ подѣйствовать на его измученную душу. Какого же было его удивленіе, когда онъ въ молодомъ проповѣдникѣ узналъ своего племянника. „Я знаю, что мнѣ не долго осталось жить, сказалъ онъ, и завтра же напишу духовную, по которой сдѣлаю тебя и твоихъ стариковъ наслѣдниками; этимъ хотя отчасти могу искупить мою прежнюю вражду къ тебѣ“.

Краткій обзоръ главныхъ сочиненій Гердера.

Въ 1770 году Гердеръ сдѣланъ былъ проповѣдникомъ и суперъ-интендентомъ въ Бюкксебургѣ, а черезъ шесть лѣтъ, при посредствѣ Гёте, переведенъ въ Веймаръ, гдѣ назначенъ придворнымъ духовникомъ. Въ 1778 году Гердеру удалось привести въ исполненіе свою давно желанную мечту—побывать въ Италіи, куда онъ сопровождалъ эрцгерцогиню Амалію. Впослѣдствіи Гердеръ достигъ мѣста президента консисторіи, причемъ круфирстомъ баварскимъ возведенъ въ дворянство.

Гердеръ умеръ 59 лѣтъ отъ роду, 18-го декабря 1803 г., послѣ продолжительной болѣзни.

Еще при жизни онъ началъ пользоваться громкою извѣстностью не только въ своемъ отечествѣ, но и во всей Европѣ и многіе изъ его великихъ современниковъ спѣшили лично узнать его и сблизиться съ нимъ. Между прочимъ Гердеръ имѣлъ сильное вліяніе на Гёте. Они часто проводили вмѣстѣ цѣлые вечера и, по словамъ Гёте, Гердеръ умѣлъ возбуждать его, давалъ ему идеи и матеріалъ, который тотъ впослѣдствіи обрабатывалъ.

Имя Гердера навсегда останется незабвеннымъ и его сочиненія никогда не перестанутъ воодушевлять сердца людей ко всему прекрасному, святому и великому.

Дѣятельность Гердера, какъ писателя, чрезвычайно обширна и обнимаетъ собою области религіи, богословія, философіи, исторіи, эстетики и литературы и во все онъ вносилъ возбуждающее, живительное начало.

Свои философскія воззрѣнія Гердеръ главнымъ образомъ изложилъ въ своемъ, къ сожалѣнію, неоконченномъ сочиненіи: „Мысли по философіи и всемірной исторіи“.

Къ литературнымъ произведеніямъ Гердера относятся его „Литературныя письма“ и „Дебри критики“ *). Онъ придавалъ огромное значеніе древне-греческимъ и римскимъ образцамъ, но выше всего ставилъ свое родное, національное. Въ названныхъ сочиненіяхъ онъ старается выяснить значеніе народности вообще, и народной поэзіи въ частности, ей онъ отводитъ первое мѣсто. Для нагляднаго подтвержденія своей мысли Гердеръ издалъ сборникъ народныхъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: „Голоса народовъ въ ихъ пѣсняхъ“ **).

Онъ нѣсколько лѣтъ собиралъ эти пѣсни при помощи молодаго, только что начинавшаго свое литературное поприще Гёте. Сюда вошли пѣсни всевозможныхъ народовъ: во 1-хъ, народовъ дальняго сѣвера—лапландцевъ, эстляндцевъ, гренландцевъ и т. д., во 2-хъ, дальняго юга: греческія, итальянскія, испанскія и древне-французскія; въ 3-хъ, сѣверо-западныхъ народовъ: произведенія Оссіана; (Оссіанъ—имя кельтскаго барда; подъ его именемъ собрано много поэтическихъ произведеній), баллады шотландцевъ и англичанъ; въ 4-хъ, пѣсни воинственныхъ скандинавскихъ скальдовъ. Здѣсь впервые появилась въ полномъ видѣ скандинавская эпопея „Эдда“, въ 5-хъ, чисто нѣмецкія пѣсни стараго

*) Litteratur Briefe und Kritische Wälder.

**) Stimmen der Yölker in Liedern.

и новаго времени. Незабыты Гердеромъ и пѣсни дикихъ народовъ—жителей Перу и Мадагаскара, чтобы дать понятіе о томъ, какъ они выражали свое поэтическое чувство.

Особенно интересовала Гердера еврейская поэзія. Онъ разработалъ ее въ двухъ слѣдующихъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ: „О духъ еврейской поэзіи“ *) и „Древнѣйшая грамота человѣческаго рода“ **).

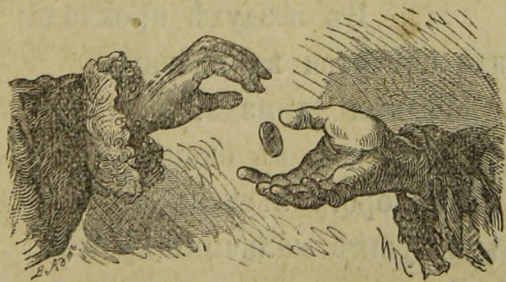
Что касается поэтическихъ произведеній Гердера, то они раздѣляются на двѣ группы: переводныя и собственныя. Въ переводныхъ онъ необыкновенно талантливо усваиваетъ и воспроизводитъ духъ автора. Собственныя же его стихотворенія не рѣдко лишены риѣмы и большею частью научнаго содержанія.

Его главные стихотворенія: „Сны юношества“, „Жаворонокъ“, „У моря въ Неаполѣ“ и другія. Сюда же относятся многочисленные прелестныя его легенды: „Спасенный юноша“, „Храбрый“, „Чужеземцы“.

Главная цѣль всѣхъ сочиненій Гердера, цѣль всей его жизни и дѣятельности—стремленіе способствовать развитію человѣчества и его образованію.

Эта великая цѣль выражена въ трехъ словахъ надписи, начертанной на его могильномъ памятникѣ: „Свѣтъ, любовь, жизнь“ ***).

Передѣлано съ нѣмецкаго
Н. Поповой.

*) Von Geiste der hebräischen Poesie.

**) Alteste Urkunde des Menschengeschlechts.

***) Licht, Liebe und Leben.

ДЕРЕВЕНСКАЯ ИДИЛЛИЯ.

(Памяти сына Алексѣя Спиридоновича).

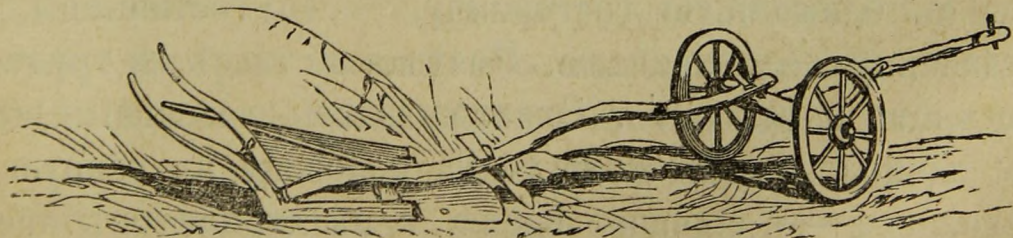

РЕЗЖИТЬ утро, даль въ туманѣ,
Пѣтухи пропѣли;
Пробудилися крестьяне,
Косы зазвенѣли.
Какъ пошли они гурьбою
Тихо по тропинкѣ,
Отряхая надъ травою
Свѣтлыя росинки...
Встали рядомъ надъ полями,
Косы отточили, —
И съ душистыми цвѣтами
Травушку скосили.

Тихо въ бѣдной деревушкѣ;
Въ воздухѣ прохлада;
Тускло свѣтится въ избушкѣ
Мѣдная лампада.
Свѣтъ полоскою въ окошко
На дорогу льется;
А въ избушкѣ мальчикъ-крошка
Спитъ не шевельнется.
Спитъ, на грудь сложивъ ручки.
И закрывши глазки.
Словно милаго ребенка
Усыпили сказки.

Въ тѣсномъ гробикѣ малютки
Цвѣтики пестрѣли:
Полевья незабудки,
Блѣдныя лилеи.
Вмѣстѣ съ ландышемъ душистымъ
Желтая ромашка,
Одуванчикъ золотистый,
Васильки и кашка...
Не для горя и заботы
Матерью рожденный;
Спитъ онъ тускло отъ кіоты
Свѣтомъ озаренный.
Спи дитя, Господь съ тобою,
Бѣлый день настанетъ;
Съ неба солнце золотое
Ласково проглянетъ.
Мать изъ поля возвратится
И предъ образами
Долго, пламенно молится
Будетъ со слезами—
О твоємъ успокоеньи,
А отецъ съ кручиной
Понесетъ для погребенья
На кладбище сына.
Будешь ты лежать спокойно.
Ничего не зная,
Какъ не весель свѣтъ нашъ вольный
И вся жизнь земная.

С. Дрожжинъ.

ДРЕЗДЕНЪ.

И вотъ въ далекіе края
Меня влечетъ воспоминанье!

Всяцъ май былъ въ началѣ у насъ, за-границей наступила половина мая, когда мы вѣзжали въ Дрезденъ. Столица Саксоніи раздѣляется на двѣ половины: новый и старый городъ. Поѣздъ, привезшій насъ изъ Берлина черезъ Лейпцигъ въ Дрезденъ, остановился въ новомъ городѣ—Neustadt'ѣ.

Суетни особенной въ вокзалѣ не было. Нѣмцы — носильщики, въ чистыхъ синихъ блузахъ, вѣжливо спрашиваютъ не надобно ли чего нести и когда получаютъ чемоданчикъ, ремни или сакъ-вояжъ, осторожно его доносятъ: если пріѣзжій ѣдетъ въ ближайшую гостинницу, — до гостинницы, если въ отдаленную, — до экипажа. Получая по таксѣ за трудъ, онъ благодаритъ и отходитъ. Экипажи здѣсь массивны; выкрашены на половину въ желтую, на половину въ черную краску; коляски — въ хорошее время, а въ дурное онѣ превращаются въ кареты. Въ эти экипажи впрягаются одна или пара лошадей. Если экипажъ въ одну лошадь, то она впряжена въ оглобли, но безъ дуги, если въ двѣ, то съ дышломъ.

Въ Дрезденѣ мы рѣшили остановиться въ старомъ городѣ—Altstadt, чтобы быть поближе къ музеямъ.

Уложивши наши вещи въ коляску, запряженную въ одну лошадь, мы назвали кучеру гостиницу и онъ поѣхалъ, не торопясь, умѣренной рысью.

Первое, что насъ поразило, это превосходный запахъ не то ландышей, не то сирени. Въѣхавши въ аллеи, а надобно сказать, что Neustadt представляетъ почти сплошной садъ, мы были окружены бѣлыми акаціями въ полномъ цвѣту—отъ нихъ то и былъ этотъ прекрасный запахъ.

На улицахъ намъ встрѣчались огромныя фуръ, запряженные двумя сильными лошадьми въ остроконечныхъ хомутахъ и мѣдныхъ намордникахъ; потомъ маленькія повозки, запряженные одной или двумя большими собаками, везущими по большей части молоко въ жестяныхъ сосудахъ, а иногда и зелень. Подлѣ такихъ фуръ и повозокъ идутъ рядомъ большею частію женщины. Мы видѣли какъ одна такая повозка остановилась подлѣ сада, женщина отмѣрила въ кружку молоко, вѣроятно постоянная поставщица, и пока она ходила въ домъ, собака, съ высунутымъ черезъ губу языкомъ, сидѣла подлѣ своего товара.

По улицамъ много встрѣчалось женщинъ, одѣтыхъ въ короткія юбки съ кофтами, съ корзинами за плечами, наполненными разными разностями, между прочимъ и дровами, женщины эти большей частью малы ростомъ, худы, истощены, у многихъ встрѣчаются зобы. По аллеямъ попадаетъ масса дѣтей, ихъ здѣсь возятъ, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ, въ плетеныхъ колясочкахъ, съ синими занавѣсками, которыя защищаютъ ихъ отъ солнца. Такихъ колясочекъ иногда попадается штукъ пятнадцать, двадцать—и ѣдутъ онѣ въ линію точно поѣздъ желѣзной дороги. Дѣтей, кромѣ чисто одѣтыхъ нянекъ или кормилицъ въ бѣлыхъ кисейныхъ чепцахъ, сопровождаютъ пудели и грифоны. Здѣсь будетъ кстати сказать, какъ намъ объяснилъ нашъ кучеръ, что каждая собака имѣетъ отъ полиціи марку, чтобы

спокойно жить, которую она обязана носить на ошейникѣ, и марка оплачивается хозяиномъ собаки.

Подѣхавъ къ великолѣпному мосту, который соединяетъ новый городъ со старымъ, мы взглянули на Эльбу, ту самую Эльбу, которую такъ художественно воспѣлъ нашъ высоко талантливый поэтъ Лермонтовъ, и удивились! Эльба, которую мы видѣли, глинистая и мелкая. Она катитъ свои тяжелыя волны лѣниво, берега ея плоски и лишены растительности. Переѣхавши мостъ, картина измѣнилась. Здѣсь въ старомъ городѣ, воздухъ наполненъ не запахомъ акацій, а каменнымъ углемъ. Зданія, правда, есть хорошія, начиная съ католическаго собора съ скульптурными апостолами на верху и по бокамъ, выстроеннаго изъ плитоваго камня, и дворца, и кончая музеями, но они имѣютъ какой-то закомѣтый мрачный видъ. Что касается до улицъ, то улицы, особенно тѣ, которыя удалены отъ извѣстныхъ зданій, узки, темны, грязны, дома то очень высоки, то очень низки.

Гостинница, въ которой мы остановились, недорога, но въ ней несмотря на чистоту какъ-то неуютно и кромѣ того сыро.

Прежде чѣмъ отправиться смотрѣть картинную галерею, которая болѣе всего привлекала меня своей богатой коллекціей картинъ любимыхъ мною мастеровъ, мы поѣхали подписаться въ библіотеку и абонироваться на газеты. Библіотекъ здѣсь много, абонименты дешевы (20 грошей въ мѣсяцъ). Въ нихъ очень хорошій выборъ иностранныхъ книгъ, есть даже русскія періодическія изданія, но такъ какъ выписка ихъ стоитъ дорого, а нѣмцы желаютъ вернуть истраченныя деньги поскорѣе, то и достигаютъ этого слѣдующимъ образомъ: раздавая книгу въ разныя руки, они разрываютъ ее на нѣсколько частей, нѣсколько не заботясь о томъ, что разрываютъ ее иногда въ серединѣ статьи. Газеты стоятъ баснословно дешево, ихъ читаютъ здѣсь всѣ: кучера, торговки, лавочники даже няньки и кормилицы, сидя съ дѣтьми въ садахъ или аллеяхъ. Но надо

сказать что эти дешевыя газеты имѣютъ свой мѣстный интересъ. Въ нихъ извѣщаютъ напр. г-на Z, что у г-на и г-жи У. родился сынъ;.. женихъ пожилой, но съ капиталомъ ищетъ бѣдную, но очень молодую невѣсту. Далѣе, какой нибудь отецъ семейства проситъ другаго отца семейства пожаловать на свадьбу дочери, перечисляя при этомъ приглашенные лица. Или просто такой-то, или такая-то, подъ извѣстными литерами, приглашаетъ такого-то или такую-то въ садъ, въ такую-то бесѣдку для переговоровъ. А въ саду музыка, бесѣдки въ зелени со столиками, на столахъ кружки съ пивомъ.... Это-ли не идиллія! только своеобразная, нѣмецкая! Но вотъ мы подъѣхали къ цѣли нашего пріѣзда въ Дрезденъ—къ картинной галлерей. Двѣ тысячи съ чѣмъ-то картинъ размѣщаются въ двухъ этажахъ. При входѣ въ первую залу насъ поразила своей изящной простотой Мадонна Мурильо. Это мать съ ребенкомъ на рукахъ. Подлѣ никакихъ аксессуаровъ, простой сѣрый фонъ. Разсматривая мадону, очаровываешься тонкой живописью, прелестью колорита и красотой типа. Сколько вдохновенія, сколько нѣжности и кротости въ ея глубокихъ, добрыхъ глазахъ! И вмѣстѣ съ тѣмъ сколько той внутренней силы, которая изъ-за любви къ человечеству готова на страданія, даже смерть. Кромѣ Мадонны, въ дрезденской галлерей есть и другія картины этого великаго мастера XVII-го вѣка. Въ этой-же залѣ много превосходныхъ картинъ Рибера, прозваннаго ло Спаньовето, отличающихся своимъ натуралистическимъ направленіемъ. Его замѣчательный колоритъ и пониманье свѣто-тѣни придаютъ необыкновенную жизненность нѣкоторымъ изъ его картинъ. Къ такимъ принадлежатъ разные мученики, особенно если картина въ одну фигуру. Въ передачѣ физическихъ страданій людей, не многіе сравнятся съ нимъ. Рибера писалъ много, кромѣ историческихъ жанровыя картины, а также и пейзажи.

Вторая зала занята исключительно картинами Рубенса и портретами Ванъ-Дейка. Рубенсъ—этотъ родоначальникъ брабантской школы, является здѣсь во всей широтѣ нату-

рализма. Какъ въ иконахъ, такъ и въ разныхъ историческихъ и миѳическихъ картинахъ онъ держится на высотѣ своей задачи и никогда не доходитъ до низменной природы. Лучшія его картины — изображеніе битвъ и борьба людей съ животными. Рубенсъ писалъ и портреты, отличающіеся большой жизненностью. Свою силу и одушевленность Рубенсъ передалъ и своему ученику Ванъ-Дейку. Какъ колористъ, Ванъ-Дейкъ превзошелъ своего учителя. Кромѣ того, въ своихъ портретахъ Ванъ-Дейкъ является замѣчательнымъ психологомъ и живописцемъ. Между картинами и портретами Рубенса и Ванъ-Дейка есть много картинъ Павла Рембрандта. Несмотря на незатѣйливость сюжетовъ, его картины полны глубоко-поэтического элемента и замѣчательно колоритны. Его огненное освѣщеніе достигаетъ совершенства такъ же какъ и его чарующіе свѣто-тѣни. Соперникомъ его можетъ быть развѣ одинъ Корреджіо. Кромѣ многихъ, прекрасно скомпонованныхъ и широко написанныхъ картинъ, очень хорошъ портретъ охотника закрывшагося дичиной.

Осмотрѣвши вышеупомянутыя вещи, мы поторопились въ отдѣльную комнатку, гдѣ находится Сикстинская Мадонна.

По дорогѣ къ ней, мы полюбовались Рюисдалемъ, Беркгемомъ, Теньеромъ, Жерардомъ-Доу. Картина Схалькена, искусно освѣщенный свѣчкой бюстъ, остановила наше вниманіе. Это натура цѣликомъ!

Дрезденская галлерея имѣетъ богатую коллекцію голландской школы въ лучшихъ ея представителяхъ — Тербургъ, Міэрисъ, Жерардъ-Доу, Нечеръ, Остаде отличаются тончайшей выработкой свѣто-тѣни, что придаетъ ихъ картинамъ особенную прелесть.

Больше всѣхъ владѣетъ этимъ искусствомъ Жерардъ-Доу. Какъ ученикъ Рембрандта, онъ усвоилъ вполнѣ манеру своего учителя — законченность техники. Имъ мастерски переданы задумчивыя сцены домашнего очага. Но перейдемъ къ Сикстинской Мадоннѣ. Въ уединенной комнаткѣ, гдѣ она помѣ-

щается, всегда много народа и всегда господствует полная тишина. Точно прикованные къ мѣсту, мы разглядывали это геніальное произведеніе италіянскаго мастера первой половины XVI столѣтія. Глаза Спасителя-Младенца полные глубины и ума, такъ и заглядываютъ въ вашу душу. Это взглядъ не младенца, а человѣка, полнаго душевной силы, онъ подтверждаетъ величіе генія Рафаэлл. А Мадонна! эта первая христіанская женщина, отдавшая людямъ своего сына, чтобы Онъ возвѣстилъ имъ благую вѣсть и какъ божественнымъ словомъ, такъ и примѣромъ своимъ водворилъ любовь и миръ. На Мадоннѣ лежитъ тотъ типъ, что и на Спасителѣ. Она спокойна, одни глаза говорятъ о могуществѣ воли и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ полную христіанскую покорность. Въ этомъ образѣ соединена божественная красота и полнѣйшая законченность стиля. Фонъ образа изъ головокъ ангеловъ, издали они кажутся мелкими облаками; окруженная ими Мадонна стоитъ на земномъ шарѣ, справа отъ нея папа Сикстъ — слѣва святая Варвара. Внизу два ангела, замѣчательные по живописи и экспрессіи.

Выйдя изъ этой комнаты подѣ вліяніемъ Сикстинской Мадонны, мы осмотрѣли Корреджіо — Рожденіе Спасителя. Эта картина съ своимъ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, идущемъ отъ Младенца Христа, носитъ особенный характеръ. Она—эта святая ночь—полна самаго тонкаго чувства. Лица волхвовъ обданы какимъ-то просвѣтленіемъ. Мягкій переливъ тоновъ доведенъ до совершенства. Кромѣ этого образа здѣсь находится его Мадонна на престолѣ, окруженная четырьмя святыми угодниками. Созданія Корреджіо послѣ Леонарда Винчи чуть ли не самое высокое явленіе въ области искусства.

Послѣ Корреджіо мы осмотрѣли прекрасную картину Аннибала Караччи—смерть св. Севастьяна, умирающаго подѣ звуки смычка нисходящаго отъ ангела съ неба.

Печать смерти особенно хороша въ картинѣ Караччи. Караччи своей талантливостью счумѣлъ усвоить себѣ манеру

самыхъ лучшихъ мастеровъ, какъ-то: Корреджіо, Тиціана, Павла Веронеза и Рафаэля.

Изъ галлерей, усталые, мы поѣхали на Brühl'sche террасу, спросили тамъ себѣ обѣдать и все время любовались Саксонскими горами, ярко освѣщенными солнцемъ. Хорошій оркестръ музыки и самая разнообразная публика задержала насъ на ней до самаго вечера. Вечера здѣсь теплые. На улицахъ тихо. По домамъ расходятся рано самыми послѣдними уходятъ русскіе.

Въ короткое время мы какъ-то освоились съ жизнью въ Дрезденѣ, хотя нѣмцы вообще, а нѣмки въ особенности наводятъ скуку. Дрезденъ — это русская провинція со всѣми ея затягивающими свойствами. Стоитъ только посидѣть въ такъ называемыхъ увеселительныхъ мѣстахъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Линкешесъ-Бадъ одно изъ любимыхъ нѣмцами мѣстъ. Прекрасный садъ, превосходная музыка, изъ классическихъ піесъ нѣмецкихъ любимыхъ маэстро. Какой же видъ имѣетъ это одно изъ болѣе посѣщаемыхъ увеселительныхъ мѣстъ? А вотъ какой. По разнымъ направленіямъ устроены тиры — стрѣльба въ цѣль, и нѣмцы съ вниманіемъ заботливо цѣлятся, чтобы попасть въ вертящуюся на тоненькой струѣ фонтана пустую скорлупку яйца или алебастровую куколку насаженную на проволоку, или просто на гвоздь.

Если яйцо или куколка разбиты, сколько наивнаго смѣха слышится вокругъ. Нѣмцы хлопаютъ въ ладоши, нѣмки взвизгиваютъ. А счастливецъ, отходя отъ тира, считаетъ себя нѣкоторымъ образомъ героемъ! Что же дѣлаютъ нѣмки, спросите вы, въ то время, когда ихъ мужья стрѣляютъ или играютъ въ кегли? Нѣмки штопаютъ чулки, вяжутъ, иногда кладутъ заплаты и все это дѣлается съ большимъ вниманіемъ серьезно, сидя подъ деревомъ у столика. Но вотъ раздаются звуки музыки. Всѣ идутъ къ музыкѣ. Что же здѣсь? Здѣсь нѣмцы пьютъ пиво, читаютъ газеты. Нѣмки тоже пьютъ пиво и продолжаютъ шить, вязать и штопать. У нѣмцевъ

несуществуетъ увлеченій. Тогда какъ художественно исполненная увертюра вызываетъ рядъ неумолкаемыхъ аплодисментовъ со стороны иностранцевъ, нѣмцы глубоко-мысленно смотрятъ черезъ очки на аплодирующую публику—нѣмки оставляютъ работу и тоже смотрятъ на аплодирующихъ. Но нельзя сказать, чтобы нѣмцы не любили музыки. Музыка вообще въ большомъ ходу въ Дрезденѣ. Вечеромъ, идя по улицамъ, то и дѣло слышится музыка, то изъ открытаго окна въ домѣ, то въ садахъ. Это справляются: рожденіе, крестины, свадьба, или вообще какое нибудь семейное событіе. Музыка иногда сопровождается фейерверкомъ. Фейерверкъ не сложенъ. Это просто колесо, которое прибивается тонкимъ гвоздемъ къ дереву, и вертясь бросаетъ по сторонамъ маленькія звѣздочки. Вечеръ оканчивается бенгальскимъ освѣщеніемъ и восклицаніями: *sehr, sehr schön! Ausgeztechnet!*

Сады большею частію встрѣчаются въ *Neustadt'*ѣ, по улицамъ котораго, нисколько не мѣшая ни проѣзжимъ, ни прохожимъ, проходитъ желѣзная дорога. Толкотни на улицахъ Дрездена не бываетъ. Нѣмцы никогда не торопятся. Но когда нѣмецъ идетъ куда нибудь къ назначенному часу, то для него уже никого не существуетъ кромѣ его самого и того мѣста куда онъ идетъ. Попадаетъ ему на дорогѣ люди, онъ ихъ толкаетъ, оттѣсняетъ въ сторону, сбиваетъ съ панели, а самъ идетъ. На улицахъ много проведенной воды. Фонтаны снабжены безобразными статуями. Отопленіе домовъ производится каменнымъ углемъ, а дрова, распиленные и расколотые въ четверть длины и въ палецъ толщины точно по циркулю, идутъ только на подтопку. Пилятъ и колютъ дрова большею частію женщины. Мужчины привозятъ къ дому каменный уголь и дрова, и то и другое вываливается передъ домомъ на улицѣ. Они же раскалываютъ уголь на мелкіе куски, а женщины относятъ все на назначенное мѣсто. Женщины здѣсь работаютъ очень много. Въ магазинахъ торгуютъ также большею частію жен-

щины. Днем мужчины встрѣчаются рѣдко, за то вечеромъ пивныя кишатъ ими. Изъ Дрездена мы сдѣлали небольшую поѣздку въ Саксонскую Швейцарію въ Криппено и затѣмъ въ Бастей.

Криппено отстоятъ отъ Дрездена на часъ съ четвертью ѣзды по желѣзной дорогѣ. Дорога все время проходитъ между довольно высокими каменными, пепельнаго вида, горами. Растительность на нихъ встрѣчается рѣдко. У подножія этихъ горъ на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи попадаются деревянные домики, въ нихъ лѣтомъ живутъ работники, которые откалывая отъ горъ камни, тутъ же на мѣстѣ пилятъ ихъ въ плиты. Нѣкоторыя горы, вслѣдствіи отбитыхъ отъ нихъ камней, имѣютъ видъ колоссальныхъ сахарныхъ головъ. Проѣзжая, мы видѣли съ какою быстротою катились съ вершинъ громадныя камни.

Недоѣзжая одной станціи до Криппено, одна изъ такихъ горъ имѣетъ видъ неприступной крѣпости, она, вѣроятно въ былое время и служила крѣпостью. На ея вершинѣ виднѣются развалины башенъ. Она какъ мхомъ покрыта невысокими деревьями, а внизу ея точно лента извивается Эльба.

Криппено мѣстечко не дурное, оно построено на правой сторонѣ Эльбы, когда къ нему подъѣзжаешь изъ Дрездена, на другой сторонѣ видишь городокъ Шандау, и тотъ и другой окружены со всѣхъ сторонъ однообразными горами.

Жители этихъ городковъ малы ростомъ, безобразны, часто встрѣчаются горбатые и съ громадными зобами. Дорога въ Бастей дѣйствительно интересна. Горы высоки и живописны. Мы влѣзали на нихъ очень усердно, иногда сдѣлавши десять шаговъ впередъ, скатывались шаговъ пять назадъ. Температура постоянно мѣнялась: то было холодно, то жарко. Часто попадалось намъ путешественники верхомъ на лошадяхъ, или на муллахъ, многихъ, особенно женщинъ, несли на носилкахъ.

По дорогѣ на вершину Бастея намъ попался громаднѣйшій ровъ, окруженный высокими горами сѣраго цвѣта, съ глубокими трещинами, изъ которыхъ тамъ и сямъ виднѣлись деревца.

На самой вершинѣ горы, откуда открывается прекрасный видъ, устроенъ ресторанъ, тамъ мы обѣдали. Во время обѣда играла музыка—незатѣйливая, но въ горахъ и она была хороша. Послѣ обѣда мы начали собираться въ путь, идти внизъ еще труднѣе чѣмъ подниматься. Солнце близилось къ заката, окружавшія насъ горы получили розовато-желтоватый оттѣнокъ, мы подошли къ знаменитому мосту, идущему между громадныхъ горъ надъ страшной пропастью, внизу виднѣлась Эльба, между горъ бѣжалъ локомотивъ, таща за собой множество вагоновъ, оставляя въ горахъ облака бѣлаго дыма. Прошли мимо громаднаго камня, однимъ концомъ еле держащагося у горы. Страшно сдѣлалось проходить. Я остановилась, говоря:

— Ну, а что если этотъ камень оборвется?

— Вскочить порядочный волдырь! отвѣтилъ мнѣ спутникъ. Я засмѣялась. Вскорѣ мы подошли къ мѣсту самому опасному, гдѣ каждый путешественникъ записываетъ на одномъ колоссальномъ камнѣ свое имя или фамилію. Подлѣ этого камня постоянно находится человѣкъ, который предлагаетъ высѣчь имя, или подаетъ громадную кисть обмакнутую въ черную масляную краску. За это ему конечно платятъ. Мы тоже записали свои имена.

На одномъ изъ камней высѣчена слѣдующая надпись:

Zur erinnerung an
Tiedge
Den saenger der
Urania.

Спустясь съ горы, мы сѣли на поѣздъ, который насъ повезъ обратно въ Дрезденъ.

А. Толивірова.

МАЛЕНЬКІЙ РУДОКОПЪ.

АЧАЛЬНИКЪ рудниковъ! начальникъ рудниковъ, шептала толпа. Готлибъ тихо сказалъ Доротеи:

— Это тотъ добрый господинъ, который мнѣ далъ талеръ. Не было еще полдня какъ все до единой вещицы было распродано. Дѣти молча смотрѣли другъ на друга, потомъ прошлись по рядамъ красивыхъ лавокъ, отыскивая что нибудь купить къ Рождеству для отца, братьевъ и сестеръ. Осмотрѣвши все, они рѣшили купить для cadaго по парѣ теплыхъ шерстяныхъ перчатокъ. Кромѣ того Шарлоттѣ картинку и пряничнаго человѣчка. Съ полными карманами, счастливыя дѣти пустились въ обратный путь, показавшійся имъ несравненно короче прежняго.

Между тѣмъ въ хижинѣ Кламрода готовится рождественская елка. Каждому изъ дѣтей назначено два, три яблока, сверхъ того, кому грифельная доска, кому орѣхи, кому копѣчная булка. Вотъ все, чѣмъ бѣдный отецъ могъ потѣшить своихъ дѣтей. Крича и смѣясь, прыгали они вокругъ комнаты, освѣщенной маленькой лампой и сальной свѣчей.

Настала очередь старшихъ дѣтей раздавать подарки. Покуда отецъ и меньшія дѣти веселились, они проскользнули въ другую комнату, вынули изъ ящика восемь паръ перчатокъ разной величины и вернулись съ ними. Отецъ чтобы доставить удовольствіе дѣтямъ принялъ удивленный видъ, но какъ же и дѣйствительно удивился, когда въ одной изъ перчатокъ нашель порядочную сумму денегъ. Дѣти рассказали отцу обо всемъ и о добромъ господинѣ заплатившемъ такъ щедро за игрушку. Вечеръ окончился радостно — дѣти, помолившись, весело легли на соломенные постели и крѣпко заснули. А отецъ отправился на дежурство.

Что же въ это время дѣлалось въ домѣ смотрителя рудниковъ?

Верендтель, опершись головой на руку, сидитъ погруженный въ размышленіе. Его сильно тревожитъ, что повсюду дѣлають различныя предположенія о ночномъ происшествіи и придумываетъ средство отвратить бурю, которая грозитъ разразиться надъ нимъ. Въ четыре часа утра, когда выстрѣлъ и колокола возвѣщали о наступившемъ праздникѣ Рождества Христова, Верендтель пошелъ спать, придумывая средство для своего спасенія.

Послѣ праздниковъ Готлибъ объявилъ школьному учителю, что онъ намѣренъ платить за будущіе учебные мѣсяцы за себя, за братьевъ и сестеръ своихъ и рѣшилъ продолжать работу игрушекъ вмѣстѣ съ ними. Учитель одобрилъ это намѣреніе; онъ продолжалъ быть другомъ и вѣрнымъ совѣтникомъ Готлиба. Возвращаясь изъ школы, Готлибъ показывалъ братьямъ и сестрамъ какъ надобно дѣлать игрушки. Самыя младшія изъ нихъ приклеивали руки и ноги. Пріятно было смотрѣть на работу этихъ малютокъ.

Буря, которую предвидѣлъ Кламродъ, не замедлила разразиться надъ хижиною. Въ то время, какъ они спокойно занимались работами, явились полицейскій камиссаръ и слѣдственный приставъ изъ Фрейбурга, сопровождаемые двумя вооруженными солдатами.

— Вы надсмотрщикъ Кламродъ? спросилъ слѣдователь.

— Я! отвѣчалъ Кламродъ.

— Я васъ арестую. А который нареченный вашъ сынъ, Готлибъ Фрей? продолжалъ слѣдователь.

— Это я, сказалъ Готлибъ.

— Ты тоже пойдешь съ нами. Смотрите хорошенько за арестованными, сказалъ комиссаръ, обращаясь къ солдатамъ, солдаты обнажили сабли и взяли за руки Кламрода и Готлиба. Дѣти закричали отъ ужаса и бросились къ отцу.

— Молчать! крикнулъ одинъ изъ полицейскихъ, не то обрублю вамъ уши. Конечно это была шутка, произнося ее, онъ не могъ не улыбнуться.

— Успокойтесь, мои милые, сказалъ Кламродъ, эти люди не такъ страшны какъ кажутся.

Но дѣти продолжали плакать. Домъ былъ обысканъ сверху до низу. Даже пробовали приподнимать старыя доски пола. Каминъ, дрова, чурки—все было разсмотрѣно. Въ горшечкѣ, поставленномъ на полку подъ окномъ, нашли тщательно завернутый въ бумагу талеръ, полученный Готлибомъ въ награду за поднятый портфель, также и деньги за проданныя игрушки, что вмѣстѣ составляло 25 франковъ, складной ножикъ Готлиба также былъ найденъ и взятъ. Тогда слѣдователь сказалъ:

— Попросите сюда смотрителя рудниковъ. Когда онъ пришелъ, слѣдователь спросилъ его:

— Мы нашли совсѣмъ новую пяти-франковую монету. Потрудитесь сказать какая монета украдена изъ кошелька инспектора.

— У инспектора въ кошелькѣ было нѣсколько такихъ монетъ, сказалъ Верендтель.

— Кромѣ того мы нашли 20 фр. различными монетами. Стало быть онъ получалъ довольно большое жалованье если могъ столько откладывать?

— Онъ получаетъ такъ мало, отвѣчалъ Верендтель, что я рѣшительно не могу понять, какъ онъ можетъ прокормить

6-хъ дѣтей и приемыша, еще непонятнѣе, какъ могъ онъ собрать такую сумму денегъ.

— Монета... началъ было Кламродъ...

— Молчать! сказалъ комиссаръ. Вы будете отвѣчать когда спросятъ.

— Мы нашли еще, продолжалъ онъ, обращаясь къ Верндтелю, красивый ножикъ, которымъ мальчикъ Готлибъ Фрей вырѣзывалъ изъ дерева игрушки, не угодно ли взглянуть не вашъ ли это? Верндтель посмотрѣлъ на ножикъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ, это ножикъ инспектора. Я видѣлъ какъ онъ имъ чинилъ перо въ тотъ самый вечеръ когда случилась покража.

— Я нашелъ этотъ ножикъ, отвѣчалъ Готлибъ.

— Молчать! крикнулъ слѣдователь, ты будешь говорить, когда спросятъ.

— Сверхъ того мы нашли деревянные грабли, они не могутъ принадлежать надсмотрщику не имѣющему сада. Наконецъ вотъ что-то въ родѣ одѣяла, все въ заплатахъ.

— То и другое принадлежитъ мнѣ, отвѣчалъ Верндтель. И не знаю на что онѣ понадобились ворами.

Кламродъ опять хотѣлъ заговорить, но его заставили молчать.

Когда повели Кламрода и Готлиба, дѣти зарыдали. Тогда Кламродъ, обращаясь къ слѣдователю, сказалъ сквозь слезы, но твердымъ голосомъ.

— Надѣюсь, сударь, вы не оставите моихъ дѣтей безъ помощи и въ мое отсутствіе позаботитесь, чтобы они были сыты и одѣты. Вы отвѣчаете за все, что можетъ случиться съ ними; кромѣ меня у нихъ нѣтъ другой поддержки. Арестуя меня несправедливо, вы оставляете ихъ сиротами. Потомъ обратясь къ дѣтямъ, сказалъ:

— Прощайте дѣти, не плачьте! Поручаю васъ Отцу Небесному. Совѣтуйтесь со школьнымъ учителемъ. Теперь пойдемъ, Готлибъ! Не говорилъ ли я тебѣ, что буря разра-

зится надъ нашей головой! Господь насъ не оставитъ, чего намъ бояться. Они ушли въ сопровожденіи полиціи. Слѣдователь и Верндтель остались съ дѣтьми пока арестованные не скрылись изъ вида. Верендтель, возвратясь домой, старался утѣшить себя слѣдующей нехристіанской пословицей:

„Своя рубашка къ тѣлу ближе“.

Не смотря на это совѣсть мучила его и не на минуту не давала покоя.

ХІІ.

Слѣдствіе.

Оставимъ бѣдныхъ дѣтей подѣ покровительствомъ Отца Небеснаго и послѣдуемъ за арестантами въ Фрейбургъ, гдѣ ихъ заключили въ тюрьму. Больше всего ихъ огорчило то, что ихъ разлучили, вмѣстѣ легче переносить горе. Горе уничтожило всю бодрость духа Готлиба, да и Кламродъ былъ не спокойнѣе. Ребенка отдали подѣ надзоръ тюремщика, который и взялъ его къ себѣ въ домъ. Это было своего рода заключеніе, но не такъ ужасное, какъ тюрьма. Кламродъ былъ заключенъ въ большую, темную комнату, освѣщенную маленькимъ окномъ съ желѣзной рѣшеткой, гдѣ находилось нѣсколько преступниковъ. Разсказывая другъ другу о своихъ продѣлкахъ, они хвалились ими. Подобные разговоры были ужасны для благочестиваго Кламрода. Съ растерзаннымъ сердцемъ сѣлъ онъ на скамейку, въ углу комнаты, думая о дѣтяхъ, покинутыхъ на произволъ судьбы. Во время своего грустнаго размышленія онъ не слыхалъ какъ арестанты смѣялись надъ нимъ и бранили его за то, что онъ не хочетъ участвовать въ ихъ разговорахъ. Какъ только насталъ вечеръ, тюремщикъ принесъ имъ ужинъ изъ хлѣба и воды. Хотя Кламродъ и дома не имѣлъ лучшаго ужина, но въ кругу дѣтей онъ ѣлъ его съ аппетитомъ.

— Что дѣлають они теперь? думалъ онъ, правда, провизіи у нихъ станетъ на цѣлую недѣлю, но не знаю есть ли у нихъ масло для лампы, что если имъ придется сидѣть въ темнотѣ, какъ мнѣ, они будутъ очень бояться.

Когда онъ пошелъ ложиться на соломенный тюфякъ вмѣстѣ съ другими арестантами, то опять подумалъ о своихъ дѣтяхъ.

— Какъ бы я желалъ знать, успокоились ли они и заснули ли? Надѣюсь, что Доротея позаботится объ огнѣ, ужасно, если случится какое-нибудь несчастіе съ невинными дѣтьми. Подобныя мысли не переставали его тревожить. Наконецъ онъ вспомнилъ слова Евангелія: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененные и Азъ упокою вы“. Успокоенный ими, онъ тихо заснулъ. Товарищи его давно храпѣли.

На слѣдующее утро, когда тюремщикъ принесъ имъ завтракъ. Кламродъ спросилъ его о Готлибѣ.

— О! совершенно здоровъ, отвѣчалъ тюремщикъ и добавилъ:—онъ мнѣ во всемъ признался.

— Неправда, отвѣчалъ Кламродъ.

— Ладно, всѣ птицы, которыя попадаютъ въ эту клѣтку, поють одну и ту же пѣснь. А рано или поздно кончаютъ признаніемъ. Ох!—хо!—хо!

Кламродъ замолчалъ, онъ видѣлъ, что не убѣдитъ въ своей невинности. Самымъ большимъ горемъ для него была разлука съ дѣтьми и невозможность работать. Сколько бы онъ надѣлалъ теперь коробокъ и кухонной посуды. Готлибъ былъ не счастливѣе его.

Нѣсколько дней спустя привели Готлиба въ большую на-топленную комнату и стали допрашивать. Вокругъ стола сидѣло нѣсколько человѣкъ. Одинъ изъ нихъ предлагалъ вопросы, другой ихъ записывалъ. Его спросили: есть ли у него родные, чѣмъ онъ занимается съ тѣхъ поръ, какъ они умерли. Потомъ спросили какъ онъ жилъ у дяди, отчего не остался у него и какъ съ нимъ обращались. Послѣдній вопросъ затруднилъ Готлиба. Онъ не зналъ, говорить ли ему объ укра-

деномъ картофелѣ и объ людяхъ, приносившихъ ночью снопы ржи. Но его не спрашивали объ этомъ и онъ ничего не сказалъ.

Онъ подробно рассказалъ, какъ его выгнали изъ дома, также, кто посѣщалъ Кламрода, не приносили ли они чегонибудь и не прятали ли въ домѣ подозрительныхъ вещей. Спрашивали, что они ѣли, пили, не пачкалъ ли Кламродъ однажды себѣ лица, рукъ и не видѣлъ ли онъ у него выпачканнаго бѣлья—словомъ, обо всемъ. Какъ очутился у него талеръ, красивый ножичекъ, грабли и длинное одѣяло? Что онъ отвозилъ въ телѣжкѣ на ярмарку? Какъ Кламродъ, будучи бѣденъ, нашелъ возможность платить за своихъ дѣтей въ школу, купить имъ перчатки и дать ему такое красивое платье?

Готлибъ давалъ самые удовлетворительные отвѣты. Онъ чистосердечно рассказалъ всю исторію талера, объ ножѣ, грабляхъ, о продажѣ игрушекъ, о полученныхъ деньгахъ, которыя и принесли довольство въ домѣ.

Послѣ этого Готлибъ думалъ, что его освободятъ вмѣстѣ съ Кламродомъ. Не сказавъ ни одного утѣшительнаго слова, судьи посовѣтовали ему лучше припомнить происшествіе и снова отвели къ тюремщику. Когда настала очередь Кламрода, онъ далъ тѣ же отвѣты, что и Готлибъ, но это не доказало ихъ невинность и онъ также былъ отведенъ обратно въ тюрьму.

Въ продолженіи двухъ недѣль непослѣдовало никакой переменѣ.

Безпокойство Кламрода объ участи дѣтей дошло до послѣднихъ границъ. Дѣло затянулось частію оттого, что судья долженъ былъ допросить много другихъ, частію же хотѣлъ видѣть, устоятъ ли они въ показаніяхъ доказывающихъ ихъ невинность. Часто бывали случаи, что неосознавшіеся преступники въ началѣ, сознавались, вынужденные тюремной жизнью. Когда настало время втораго допроса, судья сказалъ своимъ помощникамъ.

— Оба рудокопа ловко условились, въ случаѣ ареста, дѣлать одинаковыя показанія. Вторымъ допросомъ мы, можемъ, вынудимъ въ нихъ противорѣчіе.

Арестанты были приведены снова, каждый отдѣльно. Только-что Готлибъ вошелъ въ залу, какъ дверь снова отворилась и несчастный Кламродъ показался, сопровождаемый полицейскимъ. Онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Лицо его покрылось морщинами, глаза впали и приняли мрачное выраженіе. Готлибъ бросился къ нему, крупныя слезы ка- тились по его щекамъ.

— Милый, бѣдный отецъ! говорилъ онъ.

— Дитя мое, сказалъ глубоко тронутый Кламродъ, должно терпѣливо переносить горе. Будемъ просить Господа, чтобы окончилось наше несчастіе.

Ихъ снова разлучили и допросъ начался, но такъ же какъ и первый не имѣлъ никакихъ результатовъ. Имъ очень вредило то обстоятельство, что ножикъ, украденный у инспектора рудниковъ, нашелся у нихъ.

Въ газетахъ была публикація о пропавшихъ вещахъ не исключая и ножа. „Если ножикъ нашелся у васъ, отчего вы не объявили въ полицію, этимъ помогли бы ей напасть на слѣдъ мошенниковъ, сказалъ судья Кламроду.

— Я не читаю газетъ, отвѣчалъ Кламродъ. Ночью де- журю при машинахъ, а днемъ сплю или работаю. Мнѣ не до чтенія, я радъ, что могу прокормить дѣтей.

— Слышали ли вы разговоръ объ украденныхъ вещахъ?

— Слышалъ, отвѣчалъ Кламродъ. Но не помню, говорили ли о ножѣ. Я гораздо позже увидалъ ножъ у Готлиба и не могъ подумать, что это былъ тотъ самый, кото- рый пропалъ. Настала очередь Готлиба. Его спросили от- чего онъ не сказалъ о своей находкѣ отцу.

— Я желалъ бы вамъ вѣрить, сказалъ судья, но тутъ надобны доказательства. Привидите мнѣ свидѣтелей, безъ этого всѣ улики противъ васъ. Смотритель утверждаетъ, что его служанка не выходила въ ночь привидѣнія, а она гово-

рить, что Готлибъ не ранилъ ее въ руку. Подумайте не найдете ли вы средства доказать свою невинность?

— Я говорю правду, сказалъ Готлибъ, господинъ, который далъ мнѣ пять франковъ, записалъ мое имя въ портфель, онъ можетъ подтвердить вамъ это.

— Кто онъ такой? спросилъ судья.

— Не знаю, отвѣчалъ Готлибъ. Люди, которые окружали меня во время торга, повторяли его имя, когда онъ подошелъ ко мнѣ, но я не помню.

— Какое у него было лицо, и какъ онъ былъ одѣтъ? спросилъ судья.

— У него большой носъ и вороная лошадь, у которой хвостъ обрѣзанъ. Это добрый господинъ, онъ далъ мнѣ двойную цѣну за мою машину. Человѣкъ его былъ въ синемъ сюртукѣ съ желтымъ воротникомъ.

Судья улыбаясь нагнулся къ своему сосѣду и что-то сказалъ ему на ухо. Потомъ прибавилъ, обращаясь къ обвиненнымъ—можете идти въ тюрьму.

Спустя недѣлю ихъ снова потребовали къ допросу и предложили тѣ же вопросы.

Кламродъ и Готлибъ припоминали всѣ обстоятельства, которыя могли ихъ оправдать. Но судья говорилъ, что эти доказательства недостаточны.

Вдругъ кто-то изъ присутствующихъ чихнулъ.

— Желаю здравія! вѣжливо сказалъ Готлибъ.

— Спасибо, отвѣчалъ тотъ, смотря пристально на Готлиба.

Вдругъ Готлибъ вскрикнулъ. — Вотъ добрый господинъ съ большимъ носомъ, который купилъ у меня машину, и далъ 5 фр. Не правда ли, сударь?

Дѣйствительно это былъ онъ. Улыбаясь, онъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ Готлибу, говоря.

— А! это ты, честный мальчикъ?

Кламродъ, поклонясь низко, почтительно сказалъ:

— Господинъ инспекторъ, сжальтесь надъ нами, мы невинны.

— Будьте покойны, васъ оправдаютъ. Я не думалъ, Готлибъ, что ты тотъ самый маленькій рудокопъ, который продавалъ игрушки на ярмаркѣ. Теперь видно откуда у тебя деньги. Я былъ свидѣтелемъ какъ ты, твой братъ и сестра вели хорошо свою торговлю. Вѣрю, что ты нашелъ ножикъ, а не укралъ его, ты доказалъ свою честность, возврата мнѣ портфель. Однако многое еще не разъяснилось, я желалъ бы поговорить съ тобой наединѣ.

ХІІІ.

Освобожденіе.

Инспекторъ привелъ Готлиба въ свою комнату и ласково его расспрашивалъ. Готлибъ откровенно рассказалъ ему объ украденномъ картофелѣ, о собакѣ, о людяхъ приходившихъ къ его дядѣ ночью. Сказалъ гдѣ нашелъ ножикъ и грязное полотенце, о Тейфелѣ, которому долженъ былъ отнести жареное, пирогъ и вино. Инспекторъ улыбнулся говоря:

— Такъ какъ ты, милый Готлибъ, былъ откровененъ со мной, то и я хочу отплатить тебѣ тѣмъ же. Когда меня судья спрашивалъ тотъ ли я господинъ съ большимъ носомъ, съ вороной лошадыю, съ слугой въ синей ливреи съ желтымъ воротникомъ, тогда я справился о тебѣ и Кламродѣ. Я расспрашивалъ всѣхъ, кто васъ знаетъ, васъ всѣ хвалятъ, кромѣ твоего дяди и его служанки Катерины. Я вижу, вы невинны и велю васъ освободить.

Инспекторъ вмѣстѣ съ Готлибомъ возвратился въ судъ, онъ поручился за обвиненныхъ и попросилъ, чтобы освободили ихъ. Передъ ихъ уходомъ, онъ сказалъ:

— Кламродъ, я за васъ поручился, обѣщайте явиться въ судъ, когда васъ потребуютъ.

Кламродъ съ радостью далъ обѣщаніе. — Да наградить васъ Богъ, господинъ инспекторъ, что сжалились надъ нами, ска-

залъ онъ. Да будетъ Его благословеніе надъ вами и вашими дѣтьми. Они поклонились судьямъ и вышли изъ суда.

За городомъ Кламродъ вдругъ остановился, говоря:

— Постой, Готлибъ, я хочу вдохнуть въ себя этотъ чистый воздухъ. Дышалъ ли ты когда нибудь съ такимъ удовольствіемъ какъ теперь? Мнѣ кажется такъ дышутъ на небѣ. Ко мнѣ возвращается вся моя прежняя сила. Готлибъ не отвѣчалъ, онъ испытывалъ то же самое. Дыша столько времени тюремнымъ воздухомъ, освобожденные наслаждались блаженствомъ свободы. Отвыкнувши ходить, Кламродъ и Готлибъ скоро почувствовали сильную усталость и не такъ скоро возвратились домой, какъ желали.

— Что-то дѣлаютъ мои бѣдныя дѣти? говорилъ Кламродъ? Дай Богъ, чтобы никто не былъ болѣнъ. Всѣ ли они живы. Готлибъ, пойдемъ скорѣе!

Къ вечеру увидали они въ отдаленіи машины и свою хижину. Какъ сильно забилося сердце Кламрода. Онъ смотрѣлъ во всѣ стороны, не увидитъ-ли кого изъ дѣтей, можетъ кто нибудь дежурить при машинахъ. Наконецъ Кламродъ разглядѣлъ на пригоркѣ малютку и спѣшилъ сколько позволяли силы. Ребенокъ, услыхавъ шаги, обернулся — это былъ Яковъ, онъ узналъ Готлиба и бросился къ нему на встрѣчу. Первые слова его были:

— Готлибъ, а гдѣ отецъ? Но тотъ поднялъ уже его на руки и прижималъ къ груди. Яковъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на этого блѣднаго изнуреннаго человѣка.

— Это ты? милый отецъ, закричалъ онъ, узнавши его и обнялъ его за шею.

— Всѣ ли вы живы? здоровы ли, милые, дорогіе мои? Но мальчикъ не отвѣчая побѣждалъ къ хижинѣ.

— Отецъ пришелъ! отецъ здѣсь! Радостный крикъ раздался въ хижинѣ. Всѣ вскочили съ мѣстъ своихъ. Кожі, кисти, клей, вырѣзанныя овцы, деревья — все полетѣло на полъ. Слышались только восторженные восклицанія — отецъ! Дверь отворилась и вся маленькая толпа, рыдая отъ счастья,

бросилась на встрѣчу Кламроду, у него не доставало рукъ, чтобы обнимать всѣхъ, онъ осыпалъ ихъ только поцѣлуями. Когда прошла первая минута радости, дѣти рассказывали, что они всякій вечеръ ходили на фрейбургскую дорогу, встрѣчать его, пока не потеряли совсѣмъ надежду. Потомъ рассказали, что Питтъ Гиммеръ взялся смотрѣть за машинами, что другіе рудокопы заботились объ ихъ нуждахъ, а школьный учитель аккуратно навѣщалъ ихъ, и показали отцу множество игрушекъ ими сдѣланныхъ, любуясь ими, отецъ сказалъ:

— Да, дѣти, большое счастье работать. Я и Готлибъ испытали, что значить сидѣть безъ работы.

Кумъ Гиммеръ, узнавъ о возвращеніи Кламрода, прибѣжалъ навѣстить его.

— Гиммеръ, сказалъ Кламродъ, мнѣ совѣстно, но прошу тебя замѣнить меня и на эту ночь, я слишкомъ усталъ. Завтра ты будешь свободенъ.

Гиммеръ отвѣчалъ усмѣхнувшись.

— Будь покоенъ, куманекъ; мнѣ приказано не пускать тебя на службу, пока ты совсѣмъ не поправишься. И онъ возвратился къ своему дѣлу.

Кламродъ весело поужиналъ съ своими дѣтьми и легъ спать, поблагодаривши Бога.

Въ это время Верндтель ломалъ себѣ голову, чтобы отгадать, почему освобожденъ Кламродъ и Готлибъ, ему казалось, что онъ ловко возбудилъ противъ нихъ подозрѣніе. Спустя нѣсколько дней, Верндтель получилъ приказаніе явиться въ Шнейбергъ въ горное управленіе. Только что онъ уѣхалъ какъ Тейфель и Катерина были арестованы. Комиссія, во главѣ которой находился инспекторъ, начала подробное слѣдствіе объ управленіи Верендтеля. Руководствуемая показаніями Готлиба, она осмотрѣла погребъ, откуда были вынесены всѣ вещи.

Когда же въ погребѣ полили песокъ водой, то замѣтили, что вода внезапно исчезала на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли бутылки пива. Начали рыть въ этомъ мѣстѣ и нашли множе-

ство руды и другихъ вещей, которыя смотритель показалъ украденными. Тоже самое было, когда осмотрѣли шкафъ Катерины. Когда ей показали всѣ эти вещи, она все еще продолжала заператься, несмотря на улики. Допросъ Тейфеля былъ успѣшнѣе.

Онъ сознался, что вмѣстѣ съ смотрителемъ рудниковъ и еще однимъ рудокопомъ они совершили покражу; что самъ Верндтель, опасась быть узнаннымъ, раскрашивалъ себѣ лицо.

Полотенце, которымъ онъ утирался, и ножъ инспектора онъ отнесъ въ старый колодець вмѣстѣ съ другими украденными вещами, но второпяхъ обронилъ его, такимъ образомъ онъ и попался въ руки Готлиба. А Катерина явилась при видѣніемъ, чтобы отвлечь вниманіе Готлиба отъ Тейфеля и Верндтеля, которые спускались въ колодець.

Послѣ этого показанія комиссія отправилась съ Кламродомъ и Готлибомъ въ сопровожденіи Тейфеля къ старой шахтѣ для произведенія слѣдствія. Готлибъ показалъ запачканное полотенце, спрятанное имъ въ подземной мастерской. Потомъ указалъ мѣсто, гдѣ нашелъ ножикъ. Всѣ отправились въ галлерею, находившуюся на днѣ колодца, гдѣ были спрятаны вещи подъ грудой камней. Здѣсь нашла вся покража кромѣ денегъ, которыя сообщники раздѣлили между собой. Когда слѣдователи, окончивъ осмотръ, хотѣли выйти изъ колодца, то съ удивленіемъ и ужасомъ замѣтили, что всѣ ступени, лѣстницы по которой имъ надобно было выходить, сломаны. Кто могъ это сдѣлать? Верндтель былъ далеко, Тейфель—въ слѣдственной комиссіи, Катерина въ тюрьмѣ, 4-й сообщникъ задержанъ, по повелѣнію начальника, прежде чѣмъ пошли въ колодець. Но нечего было ломать голову, надобно было отыскать средства, чтобъ выбраться, ожидать помощи сверху было нечего. Кламродъ, подумавши немного, сказалъ:

— Я работалъ прежде въ этомъ колодцѣ, мнѣ кажется, есть галлерея, ведущая въ сосѣдній рудникъ. Если дно

колодца и галлерей не затоплены водой, то мы скоро выйдемъ изъ затруднительнаго положенія.

— Если оба колодца, сказалъ инспекторъ, соприкасаются, и другой колодецъ гораздо глубже, то вода легко стекаетъ и быстро выкачивается насосомъ.

Всѣ смѣло двинулись впередъ. Кламродъ шелъ впереди и первый поставилъ ногу на послѣднюю ступеньку, потомъ на землю или, лучше сказать, въ воду.

— Господинъ инспекторъ правъ, сказалъ онъ, вода по щиколку. Не бойтесь, идите за мной!

Всѣ послѣдовали за Кламродомъ. Когда они перешли изъ одной галлерей въ другую, то груда камней загородила имъ путь, и они должны были возвратиться назадъ, чтобы искать другой дороги. Но поиски ихъ были напрасны, другого пути не было. Это возбудило всеобщее безпокойство, одинъ инспекторъ сохранилъ хладнокровіе и присутствіе духа. Онъ наблюдалъ по какому направленію текла вода; приложивъ ухо къ стѣнамъ колодца, прислушиваясь, не работали ли въ сосѣдствѣ. По его соображенію они находились въ галлерей, идущей по лѣвой сторонѣ. Кламродъ, сдѣлавши нѣсколько шаговъ впередъ, возвратился съ печальнымъ извѣстіемъ, что нѣтъ возможности идти далѣе. Все общество въ отчаяніи рѣшилось идти къ колодцу и стараться тамъ проложить себѣ дорогу, вмѣсто того, чтобы ходить взадъ и впередъ. Передъ тѣмъ, какъ идти, инспекторъ взялъ въ руку лампу, висѣвшую у него на груди, и осмотрѣвъ камни, заграждавшіе имъ путь, сказалъ:

— Не безпокойтесь, путь загражденъ камнями набросанными, ходъ не задѣланъ.

Нирицъ.

Съ нѣмецкаго.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НѢМЕЦКІЕ ТИПЫ.

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 мая 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.